

машнем хозяйстве в Ливане¹. Тем не менее внутренние неурядицы в стране отодвинули борьбу за права иммигрантов на второй план. Положение женщин-иностранок, работающих в качестве домашней прислуги, в значительной степени столкнулось с безразличием населения, которое думает о том, как спасти себя.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

2022.01.003. Атамали К.Е.*

**СЕВЕРНАЯ АФРИКА:
ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ МУСУЛЬМАН
В ЕВРОПУ И ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19.
(Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.08

1. Тюкаева Т.И. Миграция из стран Магриба: внешние и внутренние вызовы для Европы // *Современная Европа*. 2021. №3 (103). С. 61–70.

2. Колесникова Ю.С., Будженах Сохейб. Влияние пандемии COVID-19 на международную миграцию в странах Северной Африки // *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2021. № 3. С. 54–62.

Ключевые слова: международная миграция; Магриб; Европа; социально-экономическое развитие; интеграция мигрантов; мусульманские диаспоры; терроризм; пандемия; COVID-19; радикализация; угрозы.

Тюкаева Т.И.,

кандидат политических наук, научный сотрудник
Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН
им. Е.М. Примакова

¹ Lebanon crises increase suffering of migrant domestic workers. 25.12.2021//<https://www.bignetwork.com/news/272021126/lebanon-crises-increase-suffering-of-migrant-domestic-workers> (дата обращения: 04.01.2022).

* Атамали К.Е., ведущий редактор, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: mrsxeniya@ya.ru

Колесникова Ю.С.,

доктор экономических наук, доцент,

главный научный сотрудник

Института демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Будженок Сохейб,

аспирант, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Т.И. Тюкаева [1] исследует проблему миграции в Европу из стран Магриба и указывает на то, что неконтролируемые миграционные потоки служат причиной серьезных внешних и внутренних вызовов для европейцев, связанных с усилением охраны границ, борьбой с нелегальной миграцией и необходимостью социально-экономической и культурной интеграции мигрантов. Тема иммиграции в Европу из арабских стран широко изучается, и можно заключить, что главным вызовом для Европы является не нелегальная иммиграция и связанные с ней риски, а проблема интеграции потомков иммигрантов, т.е. европейских граждан, зачастую имеющих лишь формальную связь с арабо-мусульманской культурой.

Автор отмечает, что главным направлением миграции из Марокко, Алжира и Туниса традиционно является Европа. События «арабской весны» и последовавшая за ней военно-политическая и социально-экономическая дестабилизация в странах Магриба привели к существенному росту миграции (особенно нелегальной) в Европу и увеличению количества ливийцев среди беженцев. На пике миграционного кризиса в 2014–2017 гг. в Италию из Ливии ежегодно нелегально прибывали 170–180 тыс. мигрантов. Кроме того, на фоне очередного витка вооруженного конфликта активизировались контрабандисты, переправляющие через ливийские границы нелегальных мигрантов из африканских стран. В результате принятых мер по усилению пограничного контроля и береговой охраны нелегальный миграционный поток из Ливии в Европу в 2018 г. снизился на 86%. Активизировались другие маршруты нелегальной миграции. Так, в 2018 г. наблюдалось резкое увеличение притока мигрантов в Испанию, преимущественно из Марокко; в связи с этим был усилен пограничный контроль. В 2020 г. нелегальный миграционный поток снова вырос: например, в Италию за год прибыло более 34 тыс. человек, что втрое больше, чем в 2019 г. Большую часть мигрантов составляли тунисские граждане, на втором и третьем месте – ливийцы и алжирцы

соответственно. В Испании также был зафиксирован всплеск миграции, хотя и несопоставимый с потоками в Италию. Береговая охрана и военно-морские флоты европейских государств в сотрудничестве со странами Магриба вернули значительное число мигрантов обратно на родину.

Заметный успех европейской политики по борьбе с нелегальной миграцией привел к резкому снижению ежегодных прибытий после 2017–2018 гг., даже несмотря на всплеск в 2020 г. Тем не менее число нелегальных мигрантов крайне мало по сравнению с количеством легальных мигрантов, регулярно прибывающих в Европу из стран Магриба и получающих вид на жительство. Так, в 2011–2017 гг. вид на жительство в Европе получили более 545 тыс. граждан Марокко, тогда как нелегальных мигрантов прибыло лишь чуть более 16 тыс. Важно понимать, что снижение количества мигрантов, попадающих в европейские страны, не означает, что меньше людей стремятся в ЕС. Следовательно, миграционные потоки будут увеличиваться в будущем, хотя вряд ли вновь достигнут кризисных масштабов середины 2010-х годов.

Рассматривая причины миграции из стран Магриба, исследователь обращает внимание на то, что миграция из Марокко, Туниса и в меньшей степени Алжира является исторически и экономически обоснованным явлением. В 1960-х годах были подписаны первые соглашения о трудовой миграции между магрибинскими и некоторыми европейскими государствами. Тысячи мигрантов ежегодно прибывали в Европу на заработки, что способствовало решению проблемы нехватки низкоквалифицированной рабочей силы в странах прибытия и снижало давление на экономики стран Магриба с традиционной для них высокой безработицей. Несмотря на ограничение выдачи рабочих виз, поток легальной миграции из стран Магриба постоянно увеличивался. В последнее десятилетие заметен рост доли высококвалифицированных мигрантов, а также молодежи, приезжающей по студенческим визам. Автор отмечает, что сезонная и циклическая миграция граждан стран Магриба все чаще приобретает постоянный характер. Кроме «воссоединяющихся с семьей», значительное число прибывающих в Европу для временной работы предпочитают не уезжать домой после окончания действия рабочих виз. Опросы общественного мнения в конце 2020 г. демонстрируют значительную долю желающих покинуть родину, особенно среди молодежи: 47% тунисцев и 31% марокканцев в возрасте от 18 до 29 лет хотят эмигрировать. В Алжире и Ливии эти показатели немного ниже: 23 и 21% соответственно. Более

того, около 40% опрошенных готовы эмигрировать нелегально. Главная причина для эмиграции – недовольство социально-экономической ситуацией на родине. Традиционно высокие для арабских стран показатели безработицы в странах Магриба последние несколько лет возрастают, особенно среди молодежи: 22% в Марокко, 29,5% в Алжире и 36,3% в Тунисе на начало 2020 г. Увеличивается и доля безработных среди выпускников вузов и уровень «неформальной» занятости. Таким образом, значительная часть населения стран Магриба либо не имеет возможности найти работу, либо вынуждена жить в условиях финансовой нестабильности и социальной незащищенности, работая в «неформальном» секторе. Это приводит к маргинализации, особенно остро она ощущается в сельских районах, отстающих от городов по уровню развития. В свою очередь, маргинализация побуждает жителей к радикализации и / или миграции.

Автор подчеркивает чрезвычайно низкий уровень заработной платы как у низкоквалифицированных работников, так и у высококвалифицированных специалистов. Вот почему люди прибывают в Европу в поиске достойно оплачиваемой работы. Большинство мигрантов ссылается на успешный пример друзей или родственников в качестве мотивации к эмиграции. Что касается низкоквалифицированных циклических мигрантов, то они зарабатывают в Европе приличные деньги и формируют в обществе стереотип: «кто уехал – победитель». Многие магрибинцы выбирают сезонную миграцию, но не меньшее количество людей не намерены возвращаться домой, в том числе и из-за системного политического и экономического кризиса.

Вдобавок к экономическим и военно-политическим вызовам в среднесрочной перспективе можно ожидать, что изменение климата также приведет к миграции, так как рост среднегодовой температуры и сокращение осадков спровоцируют дефицит водных ресурсов, который ударит по большинству отраслей экономики стран Магриба и приведет к ухудшению качества жизни граждан. Ливия, Марокко, Алжир и Тунис к 2040 г. войдут в число наиболее вододефицитных стран мира, но уже сегодня значительная доля населения Магриба (от 40% в Алжире до 80% в Тунисе) страдает от отсутствия регулярного доступа к воде. Таким образом, причины, толкающие магрибинцев к миграции, имеют комплексный характер и не исчезнут в обозримой перспективе.

Исследователь считает, что подавляющее число мигрантов прибывает в Европу в силу острой необходимости, хотя в редких

случаях с потоком мигрантов в Европу могут проникнуть радикальные элементы с целью совершения терактов.

Мигранты из Магриба избирают преимущественно страны с традиционно большими марокканскими, тунисскими и алжирскими диаспорами: Францию, Бельгию, Нидерланды, Италию, Испанию и Германию. Несмотря на меры по социальной интеграции, иммигранты (в том числе их дети и внуки, родившиеся в Европе) воспринимаются европейским обществом как «чужаки». Исламофобские настроения в Европе только ухудшают ситуацию, поскольку ислам часто воспринимается как чуждый элемент с точки зрения европейских ценностей. Однако принадлежность к арабо-мусульманской культуре далеко не всегда является частью идентичности иммигрантов и их потомков.

Следует отметить, что маргинализация острее всего проявляется на этнокультурном уровне. Например, по результатам исследования, проведенного в Париже, успешные иммигранты второго поколения из стран Магриба зачастую становятся объектами отчуждения со стороны французов только на основании своей неевропейской внешности и имени. Как следствие, многие представители мигрантских сообществ остаются в районах компактного проживания иммигрантов, что препятствует интеграции. Автор обращает внимание на то, что социально-культурное отторжение со стороны европейцев в купе с ощущением несправедливости может привести к кризису идентичности у детей мигрантов и вызвать чувство непринадлежности ни к западной, ни к арабо-мусульманской культуре. Это служит фундаментом для радикализации молодых представителей мигрантских сообществ, которые являются чрезвычайно восприимчивыми к исламистской пропаганде. Исследователь приводит мнение французского политолога Оливье Руа о наблюдающейся сегодня «исламизации радикализма»: ислам является «идейной рамкой» для глобального протеста против как европейского общества, так и арабо-мусульманского. Его представители – потомки мигрантов, имеющие проблемы с законом – используют исламскую доктрину для оправдания насилия.

Наиболее серьезные вызовы внутренней европейской безопасности, заключает автор, создает не масштабный поток нелегальных мигрантов, а отчужденность значительной части представителей мигрантских диаспор. Например, во Франции, согласно опросу конца 2020 г., 57% молодых мусульман считают, что законы шариата важнее, чем законы республики. Это свидетельствует об

их неизбежной радикализации и служит благодатной почвой для деятельности исламистских организаций.

Ю.С. Колесникова и С. Будженах [2] изучают влияние глобальной пандемии COVID-19 на международную миграцию и связанные с ней угрозы. Авторы предоставляют общие сведения о миграции из стран Северной Африки, отмечая Алжир, Египет, Ливию, Марокко, Судан и Тунис как страны транзита и отправления мигрантов из Африки. Большинство эмигрантов из Алжира, Марокко и Туниса проживает в странах Западной Европы, в то время как эмигранты из Египта, Ливии и Судана оседают в Западной Азии. Численность международных мигрантов увеличилась за последние пять десятилетий: в 2019 г. – около 272 млн, тогда как в 1990 г. их было 153 млн. На долю Северной Африки приходится 9,4% от общего количества международных мигрантов.

Переходя к теме COVID-19, авторы говорят о том, что страны всего мира пытаются справиться с экономическим кризисом, вызванным пандемией. UNDESA прогнозирует сокращение мировой экономики на 3,2%, в частности сокращение темпов роста в Северной Африке до 1,8%. Ожидаемое восстановление экономики зависит от того, будут ли меры, предпринимаемые правительствами, успешными.

Влияние COVID-19 на экономику стран Северной Африки можно рассмотреть по двум основным направлениям. Первое направление – это снижение экономической активности: предприятия закрываются, сотни тысяч человек теряют работу из-за пандемии. Особенно сильно в Северной Африке пострадали туризм и транспорт, произошел сбой в цепочках поставок, что, в свою очередь, влияет на обрабатывающую промышленность. Второе направление – падение мировых цен на сырьевые товары, в основном на нефть и газ, которые имеют огромное значение для стран, зависящих от нефти. В марте 2020 г. цены на топливо упали почти на 50%, что нанесло огромный удар по экономике Алжира, Ливии и Судана. Работая в критических секторах, мигранты являются наиболее уязвимой группой, подверженной влиянию пандемии COVID-19. По данным ООН, мигранты составляют не менее 4,5% населения в 12 из 20 стран с наибольшим количеством случаев COVID-19, и эта доля составляет более 10% в 8 из этих стран. Около 20% иммигрантов Северной Африки живут в относительной бедности в странах ОЭСР по сравнению с европейцами. Плохие жилищные условия и скученность проживания повышают вероятность заражения коронавирусной инфекцией.

Авторы обращают внимание на то, что рынки труда в Северной Африке характеризуются особенно высокими показателями недоиспользования рабочей силы, которое имеет ярко выраженный гендерный аспект. В целом 40,1% женщин сталкиваются с той или иной формой недоиспользования рабочей силы по сравнению с 19,7% мужчин. Кроме того, существует низкая вероятность перевода сотрудников-мигрантов на удаленную работу, поскольку в большинстве случаев они заняты в таких сферах деятельности, где это невозможно. Мигранты, особенно временные, часто имеют ограниченный доступ к системам социального обеспечения, включая здравоохранение, не говоря уже о нелегальных мигрантах. Более того, незнание языка страны пребывания для некоторых иммигрантов может затруднить доступ к информации о COVID-19.

Рассматривая здравоохранение Северной Африки в целом, авторы приходят к выводу, что субрегион не в состоянии справиться с быстрым распространением коронавируса. Системы здравоохранения в регионе Северной Африки слабее, чем на других континентах, существует потребность в медперсонале и больничных койках. Пандемия COVID-19 выявила слабые стороны системы социальной защиты и здравоохранения, показала необходимость усиления мер по ограничению распространения COVID-19 после постепенной отмены мер сдерживания.

Что касается социальной стороны, под ударом оказываются наиболее уязвимые категории людей: нелегальные и низкоквалифицированные работники, молодежь и женщины. Потеря рабочих мест и доходов только усугубит неравное положение внутри страны. Политическое руководство стран предпринимает активные меры, чтобы избежать коллапса экономики, оказывая финансовую поддержку предприятиям и работникам.

В заключение авторы подчеркивают, что мигранты особенно подвержены риску заражения коронавирусом, поскольку работают во время пандемии и живут скученно. Исследования, проведенные в ряде стран, показали: риск заражения мигрантов как минимум вдвое выше, чем у местных жителей. Мобильность также не вернется на прежний уровень еще в течение некоторого времени из-за низкого спроса на рабочую силу, ограничений на передвижение и распространения дистанционной работы среди сотрудников.